

АУШВИЦ-БИРКЕНАУ

Посвящается
Марселин Лоридан-Ивенс

Заметим еще раз, речь не пойдет о самобичевании, или публичном признании собственной вины, о нарочитом покаянии во искупление грехов своих. Все это легко приобретает несколько лживый оттенок и остается, помимо того, политически абсолютно бесплодным.

Речь не пойдет о коллективной вине всех немцев, если, конечно, они не солидаризируются вдруг с теми убийцами, как это до сих пор иногда происходит.

Дело в другом. В человеческом долге помнить об убиенных. В понимании того, что политическое осознание тех событий будет во благо каждому в отдельности и во благо нашей демократии в целом.

Понять, что произошло, как и почему; осознать всю полноту содеянного во всех его деталях и в целом; познать систему, из недр которой вышли и стали реальностью столь страшные деяния, и общество, породившее эту систему.

Нащупать призрачные связующие нити в том, казалось бы, не поддающемся осмыслению видении мира и найти реальные

экономические и стратегические интересы, на которых зиждется подобная идеологическая надстройка.

Речь пойдет о поиске до сих пор не до конца ясных причин, повлекших за собой всем известные последствия.

Это попытка найти объяснение хоть чему-то из того необъяснимого, что повергает нас в скорбное молчание.

Герхард Шёнбернер

„Когда летом 1941 года Гиммлер лично дал мне приказ подготовить в Освенциме место массового уничтожения, я не мог даже в малейшей степени вообразить себе ни размеров этого, ни результатов. Правда, этот приказ был чем-то неслыханным и ужасающим, но его обоснование убеждало в том, что истребление - дело правильное. В то время я не задумывался над этим - получил приказ и был обязан его выполнять. Я не мог позволить себе судить о том, необходимо ли массовое уничтожение евреев или нет; так далеко смотреть я не мог.“

“Если в предыдущие годы евреи рассчитывали на то, что в один прекрасный день будут освобождены, что давало им возможность психически легче переносить тяготы лагеря, то теперь, в Освенциме, евреи не имели никакой надежды. Все без исключения знали, что обречены на смерть и будут жить только до тех пор, пока смогут работать.”

стр.16 Бараки узников

„Около 5000 русских какое-то время работало на разгрузке вагонов с брюквой; она грудями лежала на железнодорожном полотне и ничего нельзя было сделать - у русских не было сил работать. Бессмысленно, бесцельно ходили они вокруг или прятались в каком-нибудь безопасном месте, чтобы хоть что-то съесть, или искали тихое место, где могли бы спокойно умереть.“

20

„Весной 1942 года сотни здоровых людей проходили под цветущими фруктовыми деревьями крестьянского подворья и, чаще всего, ничего не подозревая, шли на смерть в газовые камеры. Эта картина просыпающейся к жизни природы и недолговечности еще сегодня стоит перед моими глазами.“

стр.20 Платформы, до главных ворот остаётся 300 метров

стр.22-23 Место лагерного оркестра, блок смерти и женский лагерь

„Он осмотрел все очень внимательно: видел переполненные жилые и больничные бараки, плохие санитарные условия, барак с заразными больными. Видел он и детей, больных номой: худенькие детские тела с огромными дырками на щеках. Этот медленный распад живого тела! Болезнь эта всегда напоминала мне прокаженных, которых я видел когда-то в Палестине.“

„Всё это относится и к узницам, к женщинам всех континентов, с той только разницей, что для них все это было значительно тяжелее и намного глубже угнетало их, потому что условия жизни в женском лагере были несравненно хуже, чем в мужском. У женщин были более тесные помещения, а санитарно-гигиенические условия не соответствовали никаким нормам. В женском лагере никогда не было должного порядка и навести его было делом невозможным, потому что с самого начала там царила страшная теснота со всеми вытекающими из этого последствиями. Когда женщины доходили до определенной границы, конец наступал быстро: безвольные, они еще бродили по лагерю как привидения и тихо умирали. Эти ходячие трупы были ужасны.“

